

УДК 344.3(72)

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

Военно-полевой суд и контрабанда на Юкатане XIX в.: дело бота “Four Sisters”

Иван Н. Косиченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kosichenko.i@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования военно-полевого суда в мексиканском штате Юкатан середины XIX в. Политическое насилие, характерное для Мексики той эпохи, на Юкатане усугубилось с началом этно-социального конфликта между правительством и преимущественно индейским населением юго-восточной части штата – Войны Каст (1847–1901). В юридической сфере постоянные политические конфликты, доминирование армии и военнослужащих в общественно-политической жизни привели к широкому распространению упрощенных судебных процедур, часто осуществлявшихся представителями офицерского корпуса. Особым местом в середине XIX в. был форт Бакалар, контролировавший границу с британскими владениями в Белизе. Это была одна из ключевых точек ввоза контрабанды на полуостров, и если до 1847 г. она носила преимущественно мирный характер, после начала Войны Каст белизские предприниматели активно принимали участие в снабжении повстанцев оружием и боеприпасами. Именно такие контрабандисты были схвачены 13 сентября 1849 г. на пограничной заставе Чаак на реке Ондо, оставив за собой дело бота «FourSisters»: документа, проливающего свет не только на аспекты функционирования упрощенного судопроизводства в Мексике середины XIX в., но и на различные аспекты военной повседневности удаленного форта.

Ключевые слова: Мексика, Юкатан, Белиз, Война Каст, суд, военно-полевой суд, контрабанда, повседневность

Для цитирования: Косиченко И.Н. Военно-полевой суд и контрабанда на Юкатане XIX в.: дело бота “Four Sisters” // История и архивы. 2021. № 3. С. 76–86. DOI:10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

Court martial and contraband in 19th century Yucatán. The case of boat “Four Sisters”

Ivan N. Kosichenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kosichenko.i@rggu.ru*

Abstract. This article deals with an issue of the court-martial functioning in Mexican state of Yucatán in the middle of the 19th century. The political violence, a very characteristic of the epoch, in Yucatán scaled up with a start of the ethno-social conflict between the government and predominantly Indian population of southeastern part of the state – the Caste War (1847–1901). For the juridical practices the constant political conflicts, domination of the Army and military men in public life meant broad simplification of judicial procedures, often executed by officer corps. One special place for the middle of the 19th century was the fortress of Bacalar, which controlled the border with British dominions in Belize. It was one of the crucial points for importation of contraband into Yucatán peninsula, and if before 1847 it had been mostly civil goods, with the start of the Caste War, Belizean entrepreneurs actively participated in supply of rebels with armament and munitions. They were contrabandists of such kind who were captured on September 13 of 1849 in the border outpost in Chaac upon the Río Hondo. They left behind themselves the “Four Sisters” boat case – the document that shed light not only on the details of simplified court procedures in the 19th century Mexico but also on various details of wartime daily life in that remote fortress.

Keywords: Mexico, Yucatan, Belize, the Caste War, court, court-martial, contraband, everyday life

For citation: Kosichenko, I.N. (2021), “Court martial and contraband in 19th century Yucatán. The case of boat ‘Four Sisters’”, *History and Archives*, no. 3, pp. 76–86, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

Consejo de Guerra

Прежде чем перейти непосредственно к кейсу, находящемуся в фокусе данной статьи, представляется необходимым дать краткую характеристику тому, что из себя представлял военно-полевой суд в Мексике середины XIX в. и как было организовано его функционирование. *Консехо де герра* был судебным органом, изначально отвечавшим за следственные и судебные мероприятия, находившиеся в рамках *fuero militar* – корпоративного военного права. Мексиканская юстиция до середины 1850-х гг. функционировала в рамках

законодательства, сохранявшегося, с небольшими изменениями, со времен испанского господства. В случае военного права основополагающим документом были так называемые *ordenanzas carolinas* (карловы ордонансы), изданные в 1768 г. Именно в этих ордонансах появляется понятие военного суда и определяется порядок его функционирования и сферы ответственности: этому посвящен VIII трактат «О вопросах юстиции»¹.

Это право распространялось на всех военнослужащих и членов их семей и выводило подсудимого из сферы общего права, при этом сам военный трибунал мог судить не военнослужащих только в исключительных случаях, таких как содействие дезертирам, контакты со шпионами и диверсии². Тем не менее после того как Мексика обрела независимость, обособленности военной юстиции пришел конец, поскольку после десятилетней гражданской войны вся страна была полна разного рода лихим людом. Уже 27 сентября 1823 г. Конгресс принимает декрет № 364 о том, что организованные преступные группировки дорожных разбойников числом более шести человек подлежат военно-полевому суду в случае, если они были схвачены отрядами регулярной армии или гражданского ополчения³.

В случае Юкатана и Войны Каст расширение полномочий военно-полевых судов было оформлено декретом губернатора штата Сантьяго Мендеса от 14 февраля 1848 г. Согласно этому декрету военно-полевому суду подлежали «заговорщики и их пособники», а также организованные банды разбойников размером от четырех человек⁴. Важным отличием от предыдущих законодательных актов (во многом декрет губернатора повторяет декрет федерального конгресса от 1823 г.) стало то, что указанные категории преступников подлежали военно-полевому суду в любом случае, даже если бы они были схвачены гражданскими властями, а роль представителей гражданской юстиции сводилась только к утверждению приговора.

Что касается структуры военно-полевого суда, то она не слишком изменилась с испанских времен. После возбуждения дела по

¹ Ordenanzas de S.M. para el régimen, disciplina, subordinación y servicio de sus exercitos. Madrid: Oficina de Antonio Marin, 1768. T. 3. P. 226–372.

² Ibid. P. 236–239.

³ № 364. Decreto de 27 de septiembre de 1823. Que los reos de algunos delitos sean juzgados militarmente // Legislación mexicana o colección completa de las disposiciones desde la independencia de la república. México D.F.: Imprenta del Comercio. T. 1. P. 676.

⁴ Decreto de 14 de febrero de 1848. Que sean juzgados militarmente los conspiradores // Colección de leyes, decretos y ordenes de la asamblea departamental. Mérida: Rafael Pedrera, 1850. T. 3. P. 188–189.

факту совершения какого-либо преступления командиром гарнизона назначался ответственный за проведение расследования – *juez fiscal*, в случае юкатанского законодательства им мог стать любой офицер регулярной армии или Национальной гвардии⁵. Для проведения досудебного расследования, *proceso* или *sumario*, также назначались секретарь и, если дело было возбуждено против иностранца, переводчик⁶. После проведения досудебного расследования, включавшего в себя опрос свидетелей, очные ставки и судебно-медицинскую экспертизу в случае нанесения увечий, дело передавалось непосредственно в военно-полевой суд.

Порядок допроса ордонансы определяли следующим образом⁷. Фискаль должен был вызывать свидетелей и подозреваемых по одному и приводить их к присяге. Обязательным элементом допроса была фиксация личных данных допрашиваемого: имени, места происхождения и рода занятий. Ход допроса должен был быть запротоколирован секретарем, который по окончании допроса зачитывал протокол допрашиваемому и, после согласия последнего с его содержанием, фиксировал возраст допрашиваемого. Протокол подписывался допрашиваемым, фискалем и секретарем. Все те же процедуры проводились при опросе хирурга, осуществившего судебно-медицинскую экспертизу и свидетелей.

После того как все досудебные процедуры были завершены, фискаль составлял заключение по делу, в котором либо утверждал виновность подсудимого, либо, если доказательств было недостаточно, приводил личное заключение по поводу виновности обвиняемого, с указанием преступления и предусмотренного наказания⁸. После передачи дела командующему подразделению созывался непосредственно *consejo de guerra* – военный трибунал. Его председателем должен был быть командующий гарнизоном или капитан-генерал региона, а рядовыми членами были офицеры в чине капитана, представлявшие роты полка или батальона, в котором служил обвиняемый, числом не менее семи⁹. Капитан роты обвиняемого к суду не допускался.

Позднее на Юкатане, поскольку военно-полевой суд уже не рассматривал исключительно вопросы преступлений, совершенных военнослужащими, и имел дело с государственными преступниками, его структура была упрощена¹⁰. Состав трибунала определял-

⁵ Ibid.

⁶ Ordenanzas de S.M. para el régimen... T. 3. P. 246.

⁷ Ibid. P. 249–250.

⁸ Ibid. P. 255.

⁹ Ibid. P. 256–257.

¹⁰ Decreto de 14 de febrero de 1848...

ся тем, какое подразделение захватило преступника: если это было ополчение, то судейский состав набирался из числа офицеров ополчения, если в деле также участвовали представители регулярной армии, то трибунал имел смешанный состав, а его председателем становился представитель регулярных войск.

Еще одним интересным моментом в том, как развивалось военное законодательство, представляется вопрос судебной защиты. Карловы ордонансы прописывали роль официального защитника – офицера того же подразделения, но из другой роты¹¹. Он появлялся на этапе рассмотрения дела в суде, его утверждал сам подсудимый и мог поменять его в ходе процесса во второй и третьей инстанции, если считал это необходимым [Arnold 2013, p. 353]. В случае же военно-полевого суда на Юкатане вопрос защиты обвиняемого никак не оговаривается. Единственный, кто мог оспорить вердикт – это гражданский судья, *juez letrado*, выступавший в качестве юридического советника председателя трибунала. Если его заключение на приговор было отрицательным, то при первой же возможности дело передавалось на рассмотрение командующему военным округом, который должен был вынести свое решение, окончательное и не подлежащее обжалованию, в течение трех дней¹². В то время как судебные тяжбы в рамках военного права в Мексике могли тянуться довольно долго, военно-полевой суд на Юкатане явно имел задачу выносить максимально быстрые и жесткие решения в экстремальной ситуации.

The Four Sisters

Дело бота “Four Sisters” является интересным примером того, как работало военное судопроизводство на Юкатане. Дело хранится в Историческом архиве Секретариата национальной обороны Мексики и представляет собой 27 двусторонних листов гербовой бумаги для судопроизводства. Также к делу имеет отношение пояснительная записка от главнокомандующего войсками в штате Юкатан генерала Мануэля Мичелторены, внутренние документы военного министерства, касающиеся реакции на изложенные события, а также записка на английском языке, адресованная одному из обвиняемых.

Эта история началась задолго до 13 сентября 1849 г. с индейца Фаустино Ки, пятидесяти лет, рядового участника восстания Хасинто Пата в Тихосуко летом 1847 г., положившего начало Войне Каст на Юкатане. Ки был схвачен и переправлен в Мериду, где про-

¹¹ Ordenanzas de S.M... T. 3. P. 261.

¹² Decreto de 14 de febrero de 1848...

вел «шесть или восемь» дней в заключении, откуда был переведен в тюрьму Вальядолида вместе с остальными осужденными за участие в восстании. Когда повстанческие отряды взяли Вальядолид и освободили заключенных, Пат распорядился, чтобы Фаустино служил ему лично¹³. Хотя сам Фаустино Ки заявил на допросе, что он не занимает среди повстанцев никакой должности и просто служит Пату «погонщиком и на мильпе», обстоятельства его задержания свидетельствуют об обратном.

В конце августа Пат отправил Ки и еще трех индейцев купить у белизского контрабандиста Остина Кокса партию пороха и свинца. Проведя пятнадцать дней в запертой из соображений секретности хижине, Фаустино сел на загруженный бот, который должен был отправиться в поселок лесорубов Дуглас, выше по Рио-Ондо, и затем на мексиканский берег в Какао, где груз должны были встретить представители повстанцев¹⁴. К перевозке Кокс привлек капитана бота “Four Sisters”, шестидесятидвухлетнего лоцмана Уильяма Лонгсворта, хорошо знавшего побережье и русло Рио-Ондо¹⁵, а также двух матросов: Джорджа Робинсона и Джеймса Тамбла. Робинсон, примерно 24 лет, был поденщиком, подражавшимся на любую работу. Получив от Кокса задаток в три песо, Робинсон немедленно напился, и ночи перед отплытием не помнил¹⁶. Тамбл был точно таким же поденщиком, только моложе – в 1849 г. ему было примерно 16 лет. Когда “Four Sisters” покидал Белиз, он также был пьян¹⁷. По показаниям капитана бота Лонгсворта, когда судно отходило от причала в Белизе, его нагнал каяк с незнакомым ему индейцем, при котором был мушкет и несколько свертков. Индеец передал Лонгсворту приказ от Кокса довести его до Дугласа¹⁸. В восемь утра восьмого сентября бот отошел от Белиза и двинулся в сторону Четумальской бухты и Рио-Ондо. Индейцем, в последний момент попавшим на борт, был Фаустино Ки. 13 сентября, когда бот проходил мимо погранзаставы Чаак, его остановило мексиканское каноэ с солдатами под командованием лейтенанта Сальвадора Аргуэльеса. Бот вынудили пристать к берегу. На борту был произведен обыск, в ходе которого были обнаружены бочонки пороха, свинец и Фаустино Ки, спрятавшийся под парусами и куртками членов команды¹⁹. Рейс “Four Sisters” закончился.

¹³ ADN Exp. IX/481.3/2914. Т. 1. F. 100v.

¹⁴ Ibid. F. 102.

¹⁵ Ibid. F. 94.

¹⁶ Ibid. F. 95v.

¹⁷ Ibid. F. 96.

¹⁸ Ibid. F. 94.

¹⁹ Ibid. F. 99v.

Sumario

Вышеизложенная последовательность событий восстановлена по материалам дела, которое начало формироваться 19 сентября: в тот день командир гарнизона форта Бакалар и командующий 7-й Оперативной дивизией Национальной гвардии Юкатана полковник Хосе Долорес Сетина отдал приказ о возбуждении дела и, согласно установленному порядку, назначил исполняющим обязанности *juez fiscal* Франсиско Касереса, пехотного капитана регулярной армии и майор-хенераль 7-й ОДНГ²⁰. Касерес немедленно назначил на должность секретаря младшего лейтенанта НГ Карлоса Патрона²¹, а полковник Сетина отдал приказ о назначении переводчиком младшего лейтенанта Карлоса Касильо Мура²².

После того, как состав следственной группы был укомплектован, Касерес приступил к допросам. Приведя Мура к присяге «переводить честно и законно все сказанное на английском языке подсудимым», Касерес вызвал Лонсворта. На допросе тот показал, что следовал в Дуглас без соответствующих документов, поскольку при перевозке любых товаров из одного английского населенного пункта в другой они не требуются²³. Наличие пороха на борту он не отрицал, аргументировал это тем, что его перевозка не запрещена. На вопрос о том, кому он должен был передать боеприпасы, ответил, что ему не было сообщено имя принимающего, лишь то, что тот должен найти его на месте, как представителя Кокса²⁴. Следующим был допрошен Робинсон. Робинсон показал, что не знал о пункте назначения и о наличии на борту пороха, он заявил, что грузил только ящики с мылом и соль. Как уже было сказано выше, в момент отплытия Робинсон спал после попойки, и что было загружено на судно ночью не видел²⁵. Фаустино Ки он впервые увидел в Белизе утром при отплытии. Примерно тоже самое показал Тамбл, вызванный на допрос следующим, с тем отличием, что он «слышал о том, что пунктом назначения был поселок Дуглас», в момент отплытия был пьян, а Фаустино Ки увидел лишь проснувшись утром «сидящим на палубе вместе с его товарищами»²⁶. Все допросы состоялись 19 сентября. Касерес приказал оставить их под стражей для даль-

²⁰ Ibid. F. 91.

²¹ Ibid. F. 93.

²² Ibid. F. 92.

²³ Ibid. F. 94v.

²⁴ Ibid. F. 94.

²⁵ Ibid. F. 95–95v.

²⁶ Ibid. F. 96–96v.

нейшего разбирательства, но уже 28 числа расследование было приостановлено по причине его болезни²⁷.

Полковник Сетина в тот же день назначил на место Касереса капитана НГ Тибурсио Росадо Мартинеса²⁸, который вместе с секретарем Патроном на следующий день, 29 сентября, отправился на заставу Чаак²⁹. Там были опрошены командующий заставой капитан НГ Фаустино Пенья и лейтенант НГ Сальвадор Аргуэльес, показавшие, что при задержании контрабандисты не оказывали сопротивления, но и не предоставили никаких документов³⁰. Лонгсворт предоставил ему лишь два запечатанных письма, которые должен был отдать в Дугласе по востребованию. При обыске судна команда сотрудничала с мексиканскими солдатами и показала весь груз, кроме пороха и свинца, который обнаружился в балласте³¹. Сразу после опроса офицеров, Росадо вызвал на допрос Фаустино Ки. Интересно, что Фаустино выдал практически все, что знал: цели пребывания представителей повстанцев в Белизе, в том числе планировавшиеся объемы закупок и суммы денег, местопребывание Хасинто Пата, основные и резервные точки ввоза боеприпасов на мексиканскую территорию и т. д. Неизбежно возникает вопрос о том, насколько добровольно он это делал, но никаких указаний на применение к нему пыток в деле не содержится. Вероятно, немолодой индеец пытался купить себе жизнь в обмен на сведения, которые станут бесполезными, как только Пат узнает о его аресте. После допросов в Чааке расследование было приостановлено до 2 октября. В тот день Лонгсворта вызвали на допрос для подтверждения подлинности отданных им в Чааке писем, и после получения утвердительного ответа бумаги были переданы полковнику Сетине³². Сетина приказал снять с дела копии и отправить его в Мериду для получения дальнейших указаний от главнокомандующего Юкатана генерала Мичелторень³³. В тот же день выздоровевший Касерес вернулся к исполнению обязанностей фискаля.

Фактически на этом расследование остановилось. 22 октября Робинсон заболел и был помещен в гарнизонный госпиталь под охраной³⁴. Он явно страдал от дизентерии: врач госпиталя констатировал высокий жар, кровавый понос и невозможность

²⁷ Ibid. F. 97.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. F. 97v.

³⁰ Ibid. F. 97v – 98v.

³¹ Ibid. F. 99v.

³² Ibid. F. 103 – 103v.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. F. 104.

употреблять пищу и воду. Следующие две недели, несмотря на усилия администратора госпиталя Хуана Гарсии и фельдшеров Франсиско Пиментеля и Пабло Эспириту, Джордж Робинсон мучительно умирал. Касерес и Патрон навещали его каждый день, всего 12 раз³⁵, не считая 22 октября и 3 ноября, когда фельдшер официально констатировал смерть от естественных причин и подтвердил, что труп принадлежал Джорджу Робинсону³⁶. Каждый визит заносился в дело отдельно за подписью Касереса, Патрона и присутствовавших медиков.

В конце января полковник Сетина дождался реакции генерала Мичелторены. 30 января 1850 г. была подготовлена опись груза, а 31 января Касерес получил приказ Сетины отвезти дело и организовать переправку подсудимых в Мериду³⁷. 21 февраля Касерес был вынужден продолжить расследования из-за побега Джеймса Тамбла. Капитан бота "*Sisaleña*", Лорено Хио, упустил его на выходе из Четумальской бухты: тот просто выпрыгнул за борт и вплавь добрался до мыса Сан-Педро на английской стороне³⁸. Хио безуспешно пытался его нагнать и получил справку от мэра Сан-Педро в том, что в побеге нет его вины³⁹. Касерес также не нашел Хио виновным в побеге Тамбла и передал его коменданту порта Сисаль. Дело очевидным образом разваливалось: один подозреваемый умер, второй бежал. Сам Уильям Лонгсворт тоже оказался в госпитале. Практически сразу по прибытию в Мериду, 24 февраля, он был помещен в главный городской госпиталь с легочной болезнью⁴⁰. 1 апреля Лонгсворт умер от совокупности естественных причин: легочной болезни, дизентерии и паралича. На допросе, проведенном 1-м адъютантом регулярной кавалерии Хоакином Муньосом в качестве фискаля и 2-м сержантом 1-го батальона НГ Хосе Мария Валенсия в качестве секретаря⁴¹, администратор госпиталя Сантьяго Пачон и лечащий врач доктор Игнасио Бало сообщили обстоятельства болезни и смерти Лонгсворта, подтвердив под присягой, что умершим был именно он.

Дело окончательно развалилось. Генералу Мичелторене ничего не оставалось, кроме как отправить документы в Мехико, что он и сделал 4 апреля 1850 г., живописав военному министру масштабы контрабанды, с явным расчетом на дальнейшее дипломатичес-

³⁵ Ibid. F. 104v – 107v.

³⁶ Ibid. F. 108–108v.

³⁷ Ibid. F. 109–109v.

³⁸ Ibid. F. 111v – 112.

³⁹ Ibid. F. 246.

⁴⁰ Ibid. F. 114v – 116.

⁴¹ Ibid. F. 114.

кое давление Мехико на британских представителей⁴². Достоверно неизвестной остается судьба последнего участника этой истории: самого Фаустино Ки, присутствие которого на борту бота было главной причиной ареста команды. В других документах за 1850 г. встречается упоминание некоего Фаустино Си⁴³ или Кис⁴⁴. Каждый писец писал его фамилию по-разному. В документах он проходил как «капитан» повстанцев, высланный с Юкатана в наказание. Закончил этот человек, по приказу военного министра от 21 апреля 1851 г., рядовым 3-го линейного пехотного батальона регулярной армии Мексики⁴⁵. Вполне возможно, что это был пятидесятилетний специалист по особым поручениям Хасинто Пата, купивший себе жизнь обстоятельным рассказом на допросе на заставе Чаак. Мичелторена же получил из Мехико довольно уклончивый ответ⁴⁶. Президент не хотел ссоры с главным торгово-финансовым партнером, поэтому списал происшествие на «злоупотребления местных торговцев», а Министерству иностранных дел поручил уведомить британских представителей в необходимости усилить контроль за границей.

Заключение

Можно констатировать, что Мексика получила в наследство от Испанской империи развитую и кодифицированную систему военного права, в которой четко определялся порядок организации и отправления военного суда. Разумеется, сложные обстоятельства раннего национального периода в Мексике внесли свои коррективы, и военная юстиция была расширена на особо опасных преступников и, в случае Юкатана, на индейских повстанцев. Офицеры регулярной армии Мексики и Национальной гвардии Юкатана, задействованные в предварительном расследовании, действовали с максимально возможным соблюдением предписанных ордонасами процедур, во всяком случае, так это представляется в документах. Тем не менее повседневность внесла свои коррективы: дело просто развалилось из-за смерти ключевых подозреваемых от болезней, бывших бичом Войны Каст, и в особенности находящегося в глубоком тылу повстанцев и отрезанного от снабжения гарнизона в Бакаларе. Рассмотренный кейс, помимо вышесказанного,

⁴² Ibid. F. 121.

⁴³ ADN Exp. IX/481.3/2914, T. 2. F. 309.

⁴⁴ ADN Exp. IX/481.3/3258, T. 1. F. 30–31.

⁴⁵ Ibid. F. 28

⁴⁶ ADN Exp. IX/481.3/2914, T. 2. F. 276.

выводит исследователя на более широкую проблематику: вопрос того, насколько элиты новых независимых государств, образовавшихся в результате так называемой Атлантической революции, начавшейся с борьбы за независимость в североамериканских колониях Великобритании и завершившейся окончательной потерей Испанией своих владений в Новом Свете, были заинтересованы в изменениях устоявшегося общественного порядка. Случай Мексики и, уже, военной юриспруденции, явственно демонстрирует факт того, что при смене внешней атрибутики и наличии формального суверенитета новые национальные государства довольно долго сохраняли прежние элементы государственного устройства, изменяя его лишь ввиду насущных требований исторического момента. Частично это было связано, разумеется, с низкой управляемостью новых государств, однако, вероятно, старые порядки внутри страны вполне устраивали местные элиты, приоритетом которых было установление экономической и политической независимости от Испании.

Литература

Arnold 2013 – *Arnold L.* El tribunal militar, 1823–1860 // Los abogados y formación del Estado mexicano. México D.F.: UNAM, 2013. P. 343–364.

References

Arnold, L. (2013), “El tribunal militar, 1823–1860”, in Cruz Barney, O. et. all (coord.), *Los abogados y formación del Estado mexicano*, Universidad Nacional Autónoma de México, México D.F., México, pp. 343–364.

Информация об авторе

Иван Н. Косиченко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kosichenko.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan N. Kosichenko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kosichenko.i@rggu.ru